

ГИМНАЗИЧЕСКІЕ И СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ И. И. МЕЧНИКОВА¹⁾.

Прежде чѣмъ поселиться въ наслѣдственномъ имѣніи (сл. Ивановка, Купянскаго у., Харьк. губ.), отецъ И. И., по обычаю людей его круга, отдалъ дань военной службѣ. Какъ значится въ дѣлахъ харьковск. депутатскаго собранія²⁾, полковникъ Илья Ивановичъ и жена его Эмилія прижили четырехъ сыновей Ивана, Льва, Николая, Илью и дочь Екатерину. Илья родился 3 мая 1845 г. — послѣднимъ. Не разъ наблюдали, что великіе люди рѣдко бываютъ первенцами. Считаться ли тутъ съ фізіологическими причинами (организмъ матери еще не приспособился), культурными (способнымъ младшимъ, подражая, легче развиваться въ условіяхъ начавшагося обученія старшихъ ихъ наставниками), или съ тѣми и другими вмѣстѣ — сказать пока трудно. О Мечниковѣ сохранилось извѣстіе, что на него оказалъ вліяніе репетиторъ старшаго брата Ивана, студентъ натуралистъ, увлеченный своей наукой. Изъ Ивана, однако, вышелъ юристъ. И онъ, какъ большинство въ роду Мечниковыхъ, умеръ рано, при томъ мучительно-болѣзненной смертью (она дала сюжетъ для повѣсти Л. Н. Толстого: „Смерть Ивана Ильича“). Илья также не мало хворалъ въ дѣтствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, сотни ежегодно пропущенныхъ уроковъ въ гимназіи. Уже перейдя средній возрастъ жизни своихъ родныхъ, И. И. склоненъ былъ свое сравнительное долголѣтіе объяснять установленнымъ для себя режимомъ. Дошкольное развитіе Мечникова, какъ у большинства выдающихся людей, пошло быстрыми шагами; девяти-десятилѣтній мальчикъ смогъ поступить въ гимназію (2-ю харьковскую), минуя первый классъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о

¹⁾ Замѣтки по архивнымъ даннымъ.

²⁾ № 541, 31 окт. 1856 г.

занятіяхъ и успѣхахъ И. И. съ IV класса. Они допускаютъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторыя любопытныя заключенія. Прежде всего, останавливаетъ вниманіе различная оцѣнка успѣховъ и поведенія юнаго гимназиста до VI класса. Отмѣтки успѣховъ пестрятъ, такъ называемыми, по школьному жаргону „пятерками“. Графы поведенія заполнены четверками, критеріемъ, — согласно гимназическимъ традиціямъ, — довольно низкимъ. Ибо слѣдующая степень „тройка“ — угроза, иногда замѣнительная кара „выведенія изъ учебнаго заведенія“, о чемъ директоръ той же гимназіи не однократно предупреждалъ М. М. Ковалевскаго — младшаго сотоварища Мечникова¹⁾. Согласно педагогическимъ наблюденіямъ, такъ называемые, первые ученики отличнаго поведенія и отличныхъ успѣховъ, достигнутыхъ одною усидчивостію и трудоспособностію, не кандидаты въ люди, глубоко бороздящіе міровую культуру. Напротивъ, послѣдніе настолько легко учатся, насколько трудно поддаются школьной ферулѣ. Рѣзвый и живой переходный возрастъ не всегда позволяетъ имъ достигать высшей официальной оцѣнки. Затѣмъ, среди „отличныхъ“ и, рѣже, „хорошихъ“ успѣховъ за тотъ же періодъ по другимъ предметамъ, основа гимназическаго классицизма „латынь“ сопровождается неизмѣнно знакомъ „удовлетворительно“. Онъ же стоитъ, впрочемъ, уже чередуясь съ четверками, передъ близнецами-захребетниками тогдашнихъ гимназій — исторіей и географіей. Люди, отмѣченные даромъ исканія истины еще на школьной скамьѣ, часто не удовлетворяются преподаваніемъ науки, гдѣ требуемое усвоеніе словъ и понятій заслоняетъ реальное знаніе. Средній умъ механически и покорно заполняется этимъ балансомъ, а высшій, благодаря инстинкту, подсказывающему, что совершается медленное убійство способности къ творчеству и изслѣдованію, — пріобрѣтаетъ отвращеніе.

Пишущій эти строки получалъ классическое образованіе позднѣе, когда удобренное сильнѣе оно приносило махровые цвѣты. У него въ памяти директоръ гимназіи, совѣтовавшій ученикамъ „ввѣренной“ гимназіи, посвящать свободное время „методическому“ изученію латинскихъ и греческихъ словарей. Въ его воспоминаніи — носители тогдашняго клас-

1) Семья обоихъ будущихъ ученыхъ, по зимамъ, жили въ Харьковѣ, недалеко другъ отъ друга: Ковалевскій съ матерью на углу Екатеринославской около сквера, Мечниковы — Ярославской.

сицизма, преимущественно чехи. Ихъ преподаваніе — сплошная забота о механическомъ изученіи языковъ — средства, возведеннаго въ цѣль.

Послѣ штудированія томительныхъ исключеній („подтверждавшихъ филологическія правила“) педагоги переходили къ чтенію авторовъ. Переводы наши корректировались довольно сложнымъ способомъ. Учитель-чехъ обыкновенно пользовался нѣмецкимъ изданіемъ классиковъ, гдѣ латинскій или греческій текстъ печатанъ на параллельныхъ, en regard, страницахъ съ нѣмецкимъ переводомъ. Соотвѣтствующее мѣсто переводилось имъ съ древняго на нѣмецкій, съ нѣмецкаго на родной чешскій (языкъ его мысли), съ чешскаго на русскій. Я не буду приводить образцы переводовъ, до сего дня не забытые. Съ излишкомъ оправдывалась итальянская поговорка: tradutori—traditori. При такихъ условіяхъ, легко понять „значеніе“ для насъ extemporalia, т. е. переводовъ съ русскаго на древнѣе, если текстъ для перевода создавался упомянутымъ способомъ, а „correctum“ производилось по подлиннику. Въ памяти и учитель географіи. Отвѣтчику приказывалось подойти къ географической картѣ и стать къ ней спиной. Затѣмъ отвѣчать: подъ какими широтой и долготой находились города. По исторіи онъ же удручалъ хронологіей.

Эти важные, глубоко интересные предметы обращали въ несносное тягло. И знанія, пріобрѣтенныя по нимъ на стонѣ, дома, въ кружкахъ для самообразованія, часто расходились съ исторіей въ ея официальной транспонировкѣ. Они не могли подходить подъ официальное мѣрило.

Изъ любопытныхъ записокъ М. М. Ковалевскаго, ученика той же гимназіи, видно, что сознательная молодежь училась по книгамъ и въ кружкахъ. Знанія, пріобрѣтенныя Мечниковымъ, такимъ образомъ, по исторіи были, повидимому, достаточно осмысленными. Это обнаруживаетъ выпускное сочиненіе, для поступленія въ университетъ, сохранившееся среди гимназическихъ документовъ. — „О значеніи папской власти въ средніе вѣка“. Оно сдѣлало бы честь и теперь не только абитуриенту гимназіи, но и студенту историко-филологическаго факультета.

Какъ это знаніе, такъ и любовь къ естественнымъ наукамъ культивировались — сказали мы выше — самообразовательной коопераціей.

На Мечниковѣ и Ковалевскомъ, съ прекрасной дошколь-

ной подготовкой и внѣшкольной работой, отразилось вліяніе тогдашняго общественно-философскаго теченія. Русскіе общественные круги, послѣ крушенія нѣмецкой метафизики, обратились къ занятіямъ научной философіей, возобладавшей и на западѣ: во Франціи, Англіи и той же Германіи (Л. Фейербахъ). Въ Россіи оно связано съ именемъ Чернышевскаго и теоріей „антропологизма“, затѣмъ Лаврова, ясно различавшаго континизмъ и позитивизмъ, и др. Оба товарища, старшій — Мечниковъ и младшій — Ковалевскій, съ юности до смерти остались вѣрны позитивизму и раціонализму; неизмѣнно отвращаясь отъ мистики и словесно-логическихъ построеній, они стали хозяевами одинъ въ біологіи, другой — въ соціологіи.

Научныя симпатіи Мечникова уже въ гимназіи имѣютъ нѣкоторые симптомы. Просматривая гимназическія вѣдомости, видишь, что по мѣрѣ приближенія къ концу стажа за Мечниковымъ устанавливается репутація отличнаго ученика. Всѣ отмѣтки выравниваются въ круглое пять — отмѣтки, до сихъ поръ сопровождавшія постоянно естественную исторію. Последняя введена во всѣ гимназіи съ 1860 г. и въ предметы полнаго университетскаго пріемнаго испытанія. Во 2-й харьковской гимназіи она производилась и раньше. Кромѣ нея, Мечниковъ изучалъ, какъ особый предметъ, сельское хозяйство. Можно думать, что репутація отличнаго ученика воздѣйствовала на оцѣнку успѣховъ и по гуманитарнымъ наукамъ. При существующей понынѣ системѣ отмѣтокъ — этой *praeambula gratiae* чиновничьей таблицы о рангахъ, и теперь практикуются произвольныя надбавки и убавки по нѣкоторымъ предметамъ, сообразно общему впечатлѣнію. Такія прибавки и убавки имѣютъ мѣсто даже въ университетскихъ государственныхъ комиссіяхъ.

Резюмируя итоги успѣховъ Мечникова за гимназическій курсъ, officialный документъ гласилъ, что юноша, по степени своего умственнаго развитія, признанъ способнымъ къ университетскому образованію и награжденъ золотою медалью.

Однако, по правиламъ, для поступленія въ университет требовалось полное или сокращенное испытаніе. Правила, эти отражали на себѣ господство сословнаго строя. Будущій университетскій студентъ, если принадлежалъ къ духовному званію, долженъ былъ выхлопотать увольненіе отъ него, дававшееся Д. консисторіей; купеческіе сыновья отъ купеческихъ обществъ, лица податнаго сословія ни въ коемъ случаѣ не

освобождались отъ платы за ученіе и пр. Сокращенному испытанію подвергались окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ съ аттестатомъ. На сокращенномъ испытаніи аспиранты физико-математическаго факультета должны были показать свои основательныя знанія по математикѣ, физикѣ, естественной исторіи, русскому и одному изъ новѣйшихъ языковъ.

Послѣдній факультетъ избралъ для себя Мечниковъ. Въ 1862 г., въ сентябрѣ, 22 числа, онъ подаетъ и. д. ректора Алек. И. Полкомбецкому соотвѣтствующее прошеніе.

Однако, въ число студентовъ харьковскаго университета онъ принимается безъ экзамена.

На представленіе объ этомъ попечителя учебнаго округа послѣдовало разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

17-лѣтній студентъ началъ изучать циклъ наукъ, привлекавшій тогда молодежь, при томъ въ количествѣ бѣльшемъ, чѣмъ другіе. Слѣдя за числомъ поступленій на различные факультеты, мы находимъ, что, напр., въ 1859 г. изъ 11 абитуриентовъ 2-й харьковской гимназіи на юридическій не поступило ни одного человѣка, на историко-филологическій 1, на медицинскій 3, остальные 7 на физико-математическій по ряду естественныхъ наукъ преимущественно.

Исключительное, по условіямъ, поступленіе въ университетъ явилось началомъ и исключительнаго прохожденія въ немъ курса. Въ 1862²/₃ акад. году, на основаніи распоряженія министра народнаго просвѣщенія, Мечниковъ переводится на 2-й курсъ безъ экзаменовъ. Усиленно проработавъ въ теченіе двухъ лѣтъ, начинающій ученый подаетъ 2 мая 1864 г., ректору унив., Вл. Ак. Кочетову, на первый взглядъ, странное прошеніе: „Имѣя необходимость, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволиться изъ здѣшняго университета, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать зависящія отъ васъ распоряженія о выдачѣ мнѣ документовъ“.

Ректоръ помѣтилъ: „Выдать документы и исключить просителя“.

Поданное прошеніе находитъ объясненіе въ двухъ слѣдующихъ просьбахъ. Первая изъ нихъ датирована 9 марта 1864 г.

„Желая, гласить она, въ качествѣ вольнослушателя слушать лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, уволивъ меня изъ университета, допустить къ слушанію лекцій четвертаго курса физико-мате-

матическаго факультета по разряду естественныхъ наукъ, прилагая при семъ удостовѣреніе, данное мнѣ гг. профессорами“.

Профессора, лично знавшіе работы студента, охотно дали свое согласіе.

На прошеніи имѣются собственноручныя надписи: Н. Бекетова, профессора органической химіи, А. Черная — зоолога, Маслова, читавшаго сравнительную анатомію.

Но и это прошеніе — формальная уловка. Черезъ мѣсяць, 1864 г. 2 апр., новое прошеніе раскрываетъ конечную цѣль Мечникова, которой онъ легко достигаетъ. Онъ проситъ о разрѣшеніи держать окончательный университетскій экзамень по зоологіи, сравнительной анатоміи вмѣстѣ съ фізіологіей, ботаникѣ, химіи, минералогіи и геологіи, физикѣ и физической географіи, сельскому хозяйству и французскому языку. Получивъ разрѣшеніе, Мечниковъ проводитъ испытаніе съ отмѣткой: „отлично“. Но по богословію, церковной исторіи, технологіи — только хорошо.

Удостаивается полного одобренія и представленное имъ сочиненіе: „Исслѣдованіе фабриціи Сѣвернаго моря“. На основаніи результатовъ экзамена совѣтъ университета, 19 дек. 1864 г., утвердилъ Мечникова въ степени кандидата физико-математическаго факультета по отдѣленію естественныхъ наукъ.

Такимъ образомъ, работу, предназначенную для средняго студента на 4 года, нашъ ученый продѣлалъ почти вдвое быстрѣе. Продуктивность же начавшаго самостоятельныя исслѣдованія студента также была исключительной.

Блестящій умъ, конечно, замѣченъ профессорами-руководителями. Согласно представленію факультета, совѣтъ университета ходатайствовалъ передъ министерствомъ о назначеніи Мечникову стипендіи для продолженія научнаго образованія за границей. И. И. хотѣлъ специализироваться въ зоологіи и сравнительной анатоміи. Изъ Петербурга послѣдовалъ отказъ. Министръ ссылаясь на недостатокъ средствъ, обѣщалъ исполнить просьбу совѣта, если „въ слѣдующемъ году будутъ ассигнованы достаточныя къ тому денежныя способы“¹⁾.

Изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ не видно, явились ли эти „достаточныя денежныя способы“ и помогли ли Мечникову.

Мы знаемъ только изъ тѣхъ же документовъ, что со-

¹⁾ № 10 332. 2 декабря 1864 г.

бираясь въ 1864 г. за границу, онъ хлопочетъ передъ ректоромъ харьковскаго университета о выдачѣ ему всѣхъ бумагъ, необходимыхъ для полученія заграничнаго паспорта¹⁾).

Извѣстно, что въ этомъ же году онъ и уѣхалъ за границу, гдѣ началась и, къ сожалѣнію, окончилась его научная работа, стяжавшая всемірную славу его русскому имени.

Ар. Фатѣевъ.

¹⁾ Прошеніе Мечникова 2 мая 1864 г